

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГРЕЧЕСКО-БОЛГАРСКОГО КОНФЛИКТА В ЗАПАДНОЙ ФРАКИИ В ПЕРИОД СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Анатолий Сальков

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

anatsalkov@mail.ru

Восточный угол Балканского полуострова (Восточная и Западная Фракия) традиционно выступал стыком пространственно-политических воззрений великих держав и геополитических образов балканских стран и регионов. Со времен Раннего Средневековья формировались предпосылки греческо-болгарского конфликта за обладание краем. Они были приглушены в условиях османского владычества. В период Нового времени, когда Греция и Болгария обрели независимость, конфликт обострился, став существенным фактором новых противоречий и войн, планов великих держав.

Ключевые слова: болгарско-греческий конфликт, Западная Фракия, балканская политика

HISTORICAL AND ETHNIC BACKGROUND GREEK-BULGARIAN CONFLICT IN WESTERN THRACE IN THE PERIOD OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIMES

Anatol Salkov

Belorussian State University, Minsk, Belarus

The eastern corner of the Balkan Peninsula (Eastern and Western Thrace) has traditionally acted as a junction of the spatial and political views of the great powers and the geopolitical images of the Balkan countries and regions. From the time of the Early Middle Ages, the prerequisites for the Greek-Bulgarian conflict for the possession of the region were formed. They were muted under Ottoman rule. During the Modern Age, when Greece and Bulgaria gained independence, the conflict escalated, becoming a significant factor in new contradictions and wars, plans of the great powers.

Keywords: Bulgarian-Greek conflict, Western Thrace, Balkan politics

Западная Фракия – спорная греко-болгарская территория (8,6 тыс. км кв.) на северном побережье Эгейского (в болгарской культурно-исторической традиции – Белого) моря в междуречье Месты и Марицы, ограниченная с севера грядой Западных Родоп. С востока Западная Фракия граничит по р. Марице с европейской Турцией (Восточной Фракией). С запада – с греческой Македонией, расположенной в междуречье Струмы и Месты. Вместе Западная Фракия и Восточная Македония совпадают с историко-географической областью Беломорье. Западная Фракия располагала мелкими портовыми городками Дедеагач, Порто-Лагос и материковыми поселками Гюмюрджина, Димитотика. Ранние исторические корни греко-болгарского конфликта были обусловлены размытой национальной самоидентификацией населения мультиэтнического края и региональной политикой экспансии [11, с. 52–53].

На протяжении более чем пяти веков в эллинистический период существовало Одрисское (Фракийское) царство, располагавшееся на узкой прибрежной полосе Пропонтиды (Мраморного моря), обоих берегов Босфора и Геллеспонта (Дарданеллы), северного Эгейского побережья Балкан (современной Восточной и Западной Фракии). В середине I в. царство было включено в состав Римской империи, став ее провинцией Фракия с населением свыше 1 млн человек автохтонных фракийских племен. С разделом империи в 395 г. фракийские земли вошли в состав Восточной Римской (Ромейской) империи [4, с. 16–26].

В VI–IX вв. во Фракию мигрировали славянские племена – драгувиты на отроги Родоп, струмяне в бассейн Струмы, смолены в междуречье Струмы и Месты. Вместе с тюрками-протоболгарами и фракийскими племенами славяне сформировали болгарский этнос. Население края стало греко-славянским, но с конца VII в. славяне в этно-демографическом отношении начали преобладать во всех внутренних районах Фракии и в ее городах, особенно в Адрианополе. Греки – ранневизантийское население Балкан – компактно заселили Эгейское побережье и долину Марицы, пережив этническую трагедию автохтонов [5, с. 48–50].

После временной ликвидации Ромейской империи в результате IV Крестового похода появился ряд государств-преемников, в том числе и Латинская империя. Границы подвассального ей крестоносного Королевства Фессалия (1204–1224) включали и Фракию, в целом соответствуя древнему Одрисскому царству. На протяжении 1220-х – 1260-х гг. Фессалия находилась в составе или в сфере влияния греческого Эпирского деспотата. Северным соседом Фессалии было Второе Болгарское царство. Граница между ними, которая предвосхитила современное греко-болгарское разграничение, из-за бесконечных войн отличалась подвижной линией. С 1271 г. Фессалия вновь становится частью Ромейской империи, оставаясь вплоть до османского завоевания разменной монетой в феодальных войнах южнобалканских владетелей. Славянизированные земли собственно Фракии в начале X в. входили в состав Первого Болгарского царства в период его расцвета. В начале XI в. царство и все его земли были покорены ромейцами. С образованием Второго Болгарского (Тырновского) царства вся Фракия в первой половине XIII в. входила в его состав. Затем была отвоевана восстановленной в 1261 г. Ромейской империей Палеологов [19, с. 77–105].

На фоне усилившегося в XIV в. натиска османов в империи началась гражданская война 1341–1347 гг. Ее активным участником был фракийский разбойник и региональный болгарский владетель воевода Момчил. Поддерживая то одну, то другую сторону в войне, он получил в управление область в Средних Родопах, титулы деспота и севастократора. Вслед за тем, Момчил левый берег нижнего течения Месты с Порто-Лагосом, выйдя на побережье Эгейского моря. В 1344–1345 гг. – он полностью независимый от греков правитель «Момчиловых болгарских земель» Фракии и Беломорья. После гибели Момчила в бою с османами его владения вернулись в состав Ромейской империи. Однако ослабленная империя начала терять свои фракийские земли – европейский берег Дарданеллы (1352), Адрианополь (1362). В 1365 г. Османским эмиратом было создано бейлербейство Румелия, включавшее территорию Фракии, Македонии, Болгарии [14, с. 532]. В 1453 г. пал Константинополь, а с ним и Ромейская империя. На ее геополитическом и территориальном пространстве укрепился Османский султанат (Порта).

В XV–XVII вв. внешние различия между болгарами и греками, закрепленные в языке, были так ярко выражены, что не создавали в сознании населения этнического напряжения. Гораздо важнее были отношения между греческим клиром Константинопольской патриархии и болгарской паствой бывшей Тырновской кафедры, подчиненной Константинополю на правах митрополии. Многовековая история военной конфронтации между Болгарией и Византией также не могла пройти бесследно [6, с. 49–53]. В данный период большая часть христианского населения Фракии в составе султаната исламизировалась и восприняла турецкий язык (местные греки массово, болгары – в меньшей степени). Поэтому масштаб и характер освободительного движения в Западной Фракии, подъем которого начался в XIX в., отличался от антиосманской борьбы не только в Греции и Болгарии, но и в схожей по политическим условиям соседней Македонии [9, с. 219–221].

Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. армия генерала И. И. Дибича в августе 1829 г. перевалила через Родопы, заняла Адрианополь (покинула его только в начале ноября) и спустилась в долину Марицы, а несколько отрядов даже были направлены к Стамбулу. Хотя успехи собственной армии и напугали царя Николая I их международными последствиями, обходной выход к «теплым морям», минуя Проливы, уже не казался невозможным [20, с. 98–99, 108–109, 157–158].

С середины 1850-х гг. обострились отношения внутри христианского Рум-миллета Порты между болгарским населением и греческим клиром Вселенского Патриархата Константинополя.

Движение болгар за использование церковнославянского языка в богослужении вместо греческого и право на избрание своих епископов резко противоречило религиозно-политическому панэллинизму фанариотов. Начавшаяся греко-болгарская схизма привела к бурным событиям 1872 г. – избранию болгарского экзарха и провозглашению независимости Болгарской православной церкви. Схизма повлекла сложную дипломатическую борьбу, в которой Россия активно участвовала и фактически поддерживала Болгарию. Эта борьба обострила вопрос о границах канонической территории Болгарского экзархата и его церковных епархий, что в условиях греко-болгарской контактной зоны Западной Фракии определяло и этнические границы [2, с. 112–115].

Одной из попыток урегулировать Восточный вопрос была Константинопольская конференция (декабрь 1876 – январь 1877). Британия, отклонив русский проект территориальных изменений в Болгарии, навязала решение о ее разделе на две автономные области. Они были отрезаны от Эгейского моря, так как не включали целиком Западную и большую часть Восточной Фракии. Отказ Порты от этих решений стал основанием для Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [7, с. 266–269]. По итогам войны Россия выдвинула проект сан-стефанской Болгарии с желанным выходом к «Белому» морю в Восточной Македонии с портом Кавала, хотя Западная Фракия с Дедеагачем оставалась турецкой. Сан-стефанские границы запечатлелись в идейно-мифологическом комплексе болгар символом «идеального отечества». Однако на Берлинском конгрессе (июнь – июль 1878 г.) концепция Болгарии в этнических границах была разрушена [10].

В компактном изолированном ареале проживания помаков (*тур.* помаклар) в горном районе Родоп исторической Фракии – болгароязычной исламизированной этнорелигиозной группы смешанного происхождения – протекали сложные политические процессы. Сразу по окончании Русско-турецкой войны в Беломорье и Западных Родобах был поднят Родопский мятеж (февраль – октябрь 1878 г.). Он явился вооруженным движением турецкого и помакского населения против местных христиан и Временного русского управления в Болгарии, а также за возвращение Порте земель, предназначенных Сан-Стефанским договором для передачи Болгарии. Османская дипломатия при поддержке Лондона использовала мятеж как аргумент для ревизии сан-стефанской границы в Беломорье. Мятеж был подавлен русскими войсками и болгарскими четами. Его эпицентр, Кырджалийская околия, была присоединена к автономной турецкой провинции Восточная Румелия, но более 20 помакских сел в родопском регионе Тымрыш отказались подчиниться восточно-румелийской администрации, объявив самоуправление «Тымрышской (Помакской) республики». Так был предпринят опыт помакского территориального обособления (1879–1886). В сентябре 1885 г. Болгария присоединила Восточную Румелию (именовалась также Северной Фракией) с центром в Пловдиве. Однако турецкие войска оккупировали земли «Тымрышской республики». Болгаро-турецким соглашением в стамбульском дворце Топкапы (апрель 1886) признавалось объединение Болгарии, но в качестве компенсации Порты получала Кырджали и Тымрыш общей площадью около 2 тыс. кв. км с населением 35 тыс. человек. Оба района были присоединены к Болгарии после Первой Балканской войны [14, с. 533].

В конце XIX в. турецкая Западная Фракия стала объектом притязаний Болгарии и Греции. Обладание краем делало Болгарию средиземноморской страной и являлось обязательным для идеи Великой Болгарии элементом концепции государства двух морей – Черного и Эгейского. России же это позволяло через Болгарию получить эвентуальный выход в Средиземное море в обход Турции и Проливов. Для Греции край служил северным флангом пространства ирредентистской «Мегали Идэа» («Великая идея»), призванной реставрировать Ромейскую империю (только после ее падения получила в историографии название Византийской) со столицей в Константинополе (название официально сохранялось в Турции до 1930 г.) и с Эгейским морем в качестве своего внутреннего озера [22].

Влиятельной политической силой в регионе выступала Внутренняя Македонско-Одринская революционная организация (ВМОРО, 1893–1919), созданная македонскими и фракийскими болгарскими. Она выдвинула абстрактно сформулированную идею антиосманской борьбы за независимость в форме единого автономного Македоно-Одринского государства. Региональное Одринское общество «Странджа» (по названию горного массива), как легальная организация восточнофракийских беженцев, существовало в Болгарии в 1896–1900 гг. Затем «Странджа» вошла в объединенную организацию – Верховный македоно-одринский комитет (ВМОК, 1895–1905), вначале сотрудничавший, а затем враждовавший с ВМОРО [18]. При поддержке ВМОРО в Битольском, Скопленском и Салоникском вилайетах прошло Илинденское восстание (2–27 августа 1903) с целью создания автономного государства в составе Порты. Была провозглашена Крушевская республика (3–13 августа) с равным представительством трех этно-религиозных общин – болгар-экзархистов,

славяно- и албано-патриархистов, аромунов. Когда накал борьбы пошел на убыль, болгарское население Восточной Фракии – санджака Кырккилисе (*болг.* Лозенград) Адрианопольского вилайета – подняло обреченное Преображенское восстание (18 августа – 8 сентября). Была провозглашена болгаро-греческая Странджанская коммуна (19 августа – 7 сентября). Жестокое подавление восстаний турками сопровождалось кровавым террором [8; 21].

Между ареалами этих двух восстаний располагалась территория Западной Фракии, существенно не затронутая организованным освободительным движением. К началу XX в. тюркоязычные мусульмане в крае составляли около 70 % населения, православные греки – около 17 %, а болгары были миноритетом. Социально-политическая статичность в регионе европейской (балканской) Турции послужила одной из причин создания антиосманского Балканского союза (1912) и двух Балканских войн.

Первая Балканская война (октябрь 1912 – апрель 1913) трактуется в болгарской истории как Балканская Освободительная. После разгрома Турции в этой войне Лондонский мирный договор 30 мая установил границы Болгарии, которые включали почти всю (вдвое больше сан-стефанской) полосу Эгейского побережья в междуречье Струмы и Марицы с Кавалой и Дедеагачем, почти всю Македонию, всю Западную Фракию, большую часть Восточной Фракии. Демаркационная граница проходила по линии Мидия – Энос. На болгарской стороне оставались города Свиленград, Адрианополь и Димотика, расположенные на берегах Марицы, а также Лозенград и Люлебургас [3]. Острые разногласия между союзниками в дележе территорий быстро привели ко Второй Балканской войне (июнь – июль 1913) и стремительному разгрому Болгарии. По Бухарестскому мирному договору 10 августа историческая Македония подверглась разделу между Грецией, Сербией и Болгарией. Большая часть края с морским портом Кавала отошла к Греции. Турция, также воевавшая с Болгарией, добилась ликвидации границы по линии Мидия – Энос. Болгария потеряла всю Восточную Фракию, сохранив лишь часть Западной (с Гюмюрджиной и Дедеагачем) [17].

Вслед за этим вспыхнул мятеж мусульманского населения Западной Фракии, который привел к появлению самопровозглашенной Гюмюрджинской республики (31 августа – 25 октября 1913). Квазигосударство занимало территорию греческой и болгарской зоны в 8,6 тыс. кв. км в междуречье Месты и Марицы с портами Дедеагач и Караагач на Эгейском побережье, а также материковыми городами Гюмюрджина, Крумовград, Смолян, Златоград. Население республики составляло около 235 тыс. человек [18].

Гюмюрджина была занята болгарскими войсками еще в ходе Первой Балканской войны, но греческая армия отвоевала город во время Второй. Тем не менее, через месяц он был возвращен Болгарии по Бухарестскому миру. Однако против Болгарии выступили все местные мусульмане, рассматривавшиеся в то время, как национальность (турки, а также исламизированные нетурецкие этносы – греки, болгары-помаки, влахи-мегленорумыны, цыгане – суммарно составляли 78,8 % населения). Христианское меньшинство составляли православные болгары (10,9 %) и православные греки (9,4 %). При этом практически все население Гюмюрджинской республики владело турецким языком, хотя и не считала его родным. Был взят курс на возвращение в состав Турции. Иррегулярные карательные отряды башибузуков учинили резню несогласных болгар, предав огню 22 болгарских села. Под конец существования Гюмюрджинской республики она была официально переименована в Независимое управление Западной Фракии. Однако все ее руководство бежало с приближением двух болгарских дивизий, которые бескровно заняли свою зону края [16].

Западная Фракия в восприятии болгар всегда была не только исторически своей землей, но и органично включалась в болгарские этнические границы. Причем и после проигранных войн София по-прежнему понимала решение своего национального вопроса как единовременное присоединение всех населенных болгарскими землями [15, с. 194–201]. Болгаро-греческий конфликт вокруг края стал предметом противоречивых историографических интерпретаций [12, с. 330–336], «местом памяти» и объектом национальной травмы [13, с. 145–146]. В условиях Первой и Второй мировых войн, а также послевоенного урегулирования по их итогам фракийский вопрос побуждал страны восточной части Балкан вынашивать свои великодержавные проекты, а ведущие державы выстраивать сложные геополитические комбинации.

1. Ботсвейн, Тим. Греция. История страны / Тим Ботсвейн, Колин Николсон. – М. ; СПб. : Эксмо : Митгард, 2007. – 512 с.
2. История Балкан. Судьбоносное двадцатилетие (1856–1878 гг.) / В. Н. Виноградов (отв. ред.). – М. : КРАСАНД, 2012. – 336 с.

3. Константинова, Юра. Българи и гърци в борбы за османското наследство / Юра Константинова. – София : Фабер, 2014. – 296 с.
4. Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней / Г. Г. Литаврин (отв. ред.). – М. : Наука, 1987. – 568 с.
5. Лукин, П. Е. Славяне на Балканах. Очерки истории и культуры / П. Е. Лукин. – М. : Индрик, 2013. – 288 с.
6. Макарова, И. Ф. Болгарский народ в XV–XVIII вв. Этнокультурное исследование / И. Ф. Макарова. – М. : КомКнига, 2005. – 192 с.
7. Макарова, И. Ф. Българи и Танзимат / И. Ф. Макарова. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – 320 с.
8. Национално-освободителното движение на македонските и тракийските българи. 1878–1944: в 4 т. / Добрин Мичев (отг. ред.). – София : Македонски научен институт, 1994–2003. – Т. 2: Организирано национално-освободително движение. Илинденско-Преображенското въстание 1893–1903 г. 1994. – 424 с.
9. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV–XVI вв. Главные тенденции политических взаимоотношений / И. Б. Греков (отв. ред.). – М. : Наука, 1984. – 302 с.
10. Райкин, Спас. Сан Стефанска България. Поява, съдба, триумф и трагедия на българската национална идея: в 2 т. / Спас Райкин. – София : Пенсофт, 2011–2012. – Т. 2. 2012. – 596 с.
11. Сальков, А. П. «Беломорская» проблема как фактор международных отношений (XIX–XX вв.) / А. П. Сальков // Вопросы истории (Москва). 2006. – № 3. – С. 52–69.
12. Сальков А. П. Болгаро-греческий конфликт в Западной Фракии (1912–1938): историографические интерпретации и объективная реальность / А. П. Сальков // История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: матер. междунар. науч. конф., Минск, 5 октября 2018 г.) / С. Н. Ходин (отв. ред.) – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – С. 329–338.
13. Сальков А. П. Западная Фракия: греко-българский конфликт, «место памяти», объект национальной травмы (1912–1923 гг.) / А. П. Сальков // Историческая память и культурные символы национальной идентичности. Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). – Ставрополь ; Пятигорск : Изд-во Пятигорского государственного университета, 2017. – С. 144–147.
14. Сальков, А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.) / А. П. Сальков. – Минск : БГУ, 2019. – 743 с.
15. Стоянова, Ваня. Границите на «българската национална територия» в Тракия (1913–1947) / Ваня Стоянова // Regions, borders, identities in Central and Southeast Europe, 17-th – 21-th centuries. Collected studies / Penka Peykovska, Gábor Demeter (ed.). – Sofia ; Budapest : Institute of history : RCH : HAS, 2013. – С. 191–204.
16. Тодев, Илия. Българското национално движение в Тракия 1800–1878 / Илия Тодев. – София : Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 1994. – 478 с.
17. Узунов, Красимир. Забравената война 1912–1913 / Красимир Узунов, Генчо Начев. – София : Студио Витамин Арт, 2013. – 340 с.
18. Филчев, Иван. Тракийският въпрос и тракийското движение в България / Иван Филчев. – София : Акад. изд. «Проф. Марин Дринов», 2007. – 363 с.
19. Чорній, В. П. Історія Болгарії / В. П. Чорній. – Львів : ПАІС, 2007. – 404 с.
20. Шеремет, В. И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. Из истории Восточного вопроса / В. И. Шеремет. – М. : Гл. ред. восточной лит-ры изд-ва Наука, 1975. – 230 с.
21. Kofos, Evangelos. The Macedonian Question: The politics of Mutation / Evangelos Kofos. – Thessaloniki : Institute for Balkan Studies, 1987. – 396 p.
22. Modern Greece: a history since 1821 / Giannēs Koliopoulos, Thanos Veremēs (ed.). – Chichester, U.K. ; Malden, MA : Wiley-Blackwell, 2010. – 280 p.